

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

То, что сильнее

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке
П. Петрова

Метлицкая, Мария.
М54 То, что сильнее / Мария Метлицкая. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-183493-7

В молодости кажется, что жизнь — простая и незамысловатая штука. С годами человек понимает, что между черным и белым существуют полутона, что не бывает хорошего без плохого и наоборот.

К героям Метлицкой с возрастом приходит и другое открытие — жизнь сильнее и мудрее человека. Все попытки искусственно изменить ее — бессмысленны. Надо просто довериться ей — и она не подведет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018
ISBN 978-5-04-183493-7

То, что сильнее

Ночью, она, конечно же, не спала. Впрочем, что за новость! В обычные-то дни порой с фенотепамом, а тут такие события! Просто мирового значения! К семи утра она стала чуть подремывать, а в восемь уже зазвонил будильник. Милочка еще спала.

Встала она легко, без покрывания и медленного шарканья по комнате и до туалета, как было всегда. Почти подскочила и бодро устремилась в ванную.

Она долго умывалась, критически разглядывая себя в зеркало и, как всегда, оставаясь недовольной этим, увы, не самым веселым зрелищем, потом что-то вспомнила, суетливо бросилась на кухню, открыла морозильник, вытряхнула из пластмассовой ячейки кубик льда и стала протирать им лицо. Лед быстро таял и капал на ночнушку. Потом она снова посмотрела на себя в зеркало, и ей показалось, что кожа порозовела и стала упругой.

«Умная Зинка! — мелькнуло у нее в голове. — Надо почаще ее слушать. Что там еще

она говорила? Лед, потом тертую картошку под глаза, а уж потом крем».

Тереть картошку было неохота, да и некогда. Она выдавила из тюбика крем «Женьшеневый» и осторожно стала наносить на лицо. Зинка учила: наши кремы — лучшие. Впрочем, французские она все равно не тянула. Привычным ловким движением закрутила узел на затылке и снова, как всегда, осталась недовольна своими волосами. Это с юности — да, густые, да, седина поздняя и редкая, а вот структура волоса (фу, никогда не нравилась) — мелким, непослушным «бесом». Зинка ворчала: к твоим годам у всех уже половина от волос остается, а у тебя — полно. Подумаешь, кудряшки ей не нравятся! Ну, что поделаешь, не нравятся — всю жизнь хотелось иметь гладкие и прямые. Как у Лары. А так — ни стрижку, ни челку. Всю жизнь гладкий пучок на затылке. Сейчас уже, правда, по возрасту.

Потом она прошла на кухню, тихо прикрыла дверь — не дай бог, разбудить Милочку — и включила электрический чайник.

— Господи! Какое удобство, — в который раз удивилась она. — Три минуты всего!

Ее, человека гуманитарного, с трудом меньшего перегоревшую лампочку и с большим трудом освоившую стиральную машину-автомат, восхищали и потрясали все новости технического прогресса: телефон без шнура, который вечно перетирался; печь СВЧ — и

разморозить, и разогреть; тостер, электромясорубка — ни усилий, ни трудов. А уж мобильник она считала просто вершиной гениальности человеческой мысли. И даже при их весьма скромных доходах копилось и откладывалось на новые чудеса техники.

Сначала купили мобильник Милочке — самый дешевый, естественно, корейский, а спустя месяц — и ей, Анне Брониславовне. Теперь, даже когда она выходила ненадолго, в сберкассау или в магазин, они с Милочкой обязательно созванивались, буквально два слова:

— Ты как? Все нормально?

И услышав в ответ дочкино: «Все о'кей!», Анна Брониславовна улыбалась, вздыхала, отключала кнопку и убирала телефон в сумку.

Она выпила кофе с кусочком сыра — очень вкусно, несмотря на нервное состояние. Посмотрела на часы и пошла в комнату — одеваться.

Наряд свой, скромный, но из выходных, она приготовила еще с вечера: темно-синяя юбка-джерси и голубая из искусственного шелка турецкая блузка — нарядная с большим воротником, пробитым дырочками узором, и украшенная крупными, под перламутр, пуговицами.

В уши вдела свои единственные сережки — маленькие, в лапках, бриллиантовые «розочки», память о маме. Подушилась духами с нежным названием «Анаис-Анаис» — подарок Милочкин ко дню рождения. И нанесла по-

следний штрих: бледно-розовую перламутровую помаду — цвет, которому она не изменяла всю жизнь.

— Что ж, — оглядела она себя. — Вполне приличная дама глубоко за шестьдесят. Даже сохранилось подобие талии — блузку, по крайней мере, можно еще заправить в юбку.

Потом, что-то вспомнив, она всполошенно влетела на кухню. Проверила бульон на окне — все в порядке, яркий, янтарный, пена снята вовремя, много моркови — отсюда и цвет. Подняла полотенце — на доске лежала длинная, как полено, немного кособокая кулебяка с капустой. Приподняла крышку старой, чугунной, еще бабушкиной утятницы. Там, ожидая своего часа, лежала говядина с черносливом. Все нормально.

Она устало плюхнулась на табуретку.

— Господи, дура какая! А что могло с этим за ночь случиться? Мышей в доме, слава богу, нет. Все нервы, нервы.

На кухню, зевая, вышла Милочка.

— Ты уже, мамуль? — удивилась она. — Рано же еще!

— Нормально, в самый раз. Подожду во дворе. Там спокойнее.

Милочка опять широко зевнула и кивнула. Анна Брониславовна поднялась с табуретки и строго сказала дочери:

— Мила! За тобой — пылесос и пыль! Ты помнишь, надеюсь.

Милочка кивнула и махнула рукой.

— К двенадцати часам, Мила, к двенадцати должен быть полный, просто наиполнейший порядок!

Милой она называла дочь редко, подчеркивая тем самым торжественность и важность момента.

Милочка бросила свое вечное «ага» и исчезла в ванной.

— И себя в порядок! Слышишь? — крикнула Анна Брониславовна дочери.

В прихожей она надела дутое корейское пальто — вполне приличное, хоть и с рынка. И снова порадовалась ранней весне. А если бы стояли морозы? Тогда бы пришлось пойти в старой, выношенной донельзя, ненавистной и тяжелой мутоновой шубе. И в «гнезде» на голове — песцовой, пожелтевшей от времени шапке.

«Сапожки не надену, ну их, хотя есть вероятность, что промочу ноги. Но разве об этом сейчас речь?»

Она села на маленький пуфик в прихожей и, кряхтя, засунула ноги в туфли — еще вполне приличные, правда, не по погоде.

«Точно промокну!» — вздохнула она.

Шарф на голову тоже надевать не стала.

«Что я, старуха, в конце концов? — бодрилась Анна Брониславовна. — Дай бог, пронесет, а нет — так пошмыгаю носом пару дней».

— Я ушла! — крикнула она Милочке.

Дочь вышла в коридор.

— Ни пуха, ни пуха! И не волнуйся ты там! Все будет хорошо. В конце концов, он же прожил здесь основную часть своей жизни, — утешила она мать.

Анна Брониславовна кивнула и тяжело вздохнула.

В дверь раздался длинный звонок. На пороге стоял Генка, сын соседки Зины.

— Ну че, тетя Ань? Помчались?

Анна Брониславовна кивнула.

— Аккуратнее там! — бросила вдогонку Милочка. — Телефон взяла?

— Да-да, — ответила мать.

Пока они ждали лифт, из соседней квартиры выглянула соседка Зина, Генина мать.

— Двинулись? — спросила она. — С богом!

Анна Брониславовна ей сухо кивнула. Вообще говоря, на Зину она была обижена. В первый раз обратилась с просьбой, да и просьба невелика — отвезти в Шереметьево, встретить дорогого гостя, а у Зинки аж лицо набок свернулось.

— Ой, Ань, такие пробки, ездить невозможно, да и потом, сама знаешь, как с этими уродами связываться? — Это она про своих сыновей.

Анна Брониславовна от негодования вспыхнула и пошла пятнами. Боже мой, сколько она этой Зинке помогала! У той пять лет свекровь парализованная лежала. Зина работала